

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ ГЕРОИЧЕСКИХ ВЕКОВ

А.И.Папков

кандидат исторических наук

В результате монгольского нашествия, прокатившегося в 1239 году огненным валом по берегам Оскола, Северского Донца и Ворсклы, и оставившего после себя лишь пепелища, территория Белгородского края запустела. Славянского населения почти не осталось, и на просторах лесостепи теперь паслись табуны кочевников. После распада Золотой Орды территория Белгородчины оказалась в сфере интересов ряда стран. Крымский хан Менгли-Гирей настаивал на том, что его государство является преемником Золотой Орды. Так, в 1507 году он, подобно своим золотоордынским предшественникам, выдал ярлык литовскому великому князю Сигизмунду I на управление многими русскими городами. Среди них были Киев, Владимир-Волынский, Луцк, Каменец, Смоленск... Кроме городов, которыми и так владел Сигизмунд I, Менгли-Гирей продекларировал передачу литовскому князю десятков городов (с окружающими их селами и деревнями), часть из которых подчинялась Москве, а другие сохраняли определенную самостоятельность. Среди них были названы Чернигов, Путивль, Рыльск, Стародуб, Брянск, Тула и даже Псков, Великий Новгород, Рязань. В перечне хан указал и города Курск, Оскол и Хотмышль (Хотмыжск), в начале XVI столетия еще лежавшие в запустении.

Со своей стороны, Московское государство стремилось получить в свое распоряжение южные земли, объясняя эти претензии правом на владение «отчиной» киевских князей. Земли эти русскими именовались в то время Подем. В степи изредка встречались летние кочевья татар, но главным при-

знаком Поля была постоянная опасность набегов из его глубин.

Крымцы были прекрасными наездниками, приходили они на Русь обычно весной, после того, как появлялась возможность прокормить коней в степи. На высоких участках снег сходил раньше, земля высыхала быстрее, и раньше появлялась трава. Кроме того, конница стремилась обойти естественные препятствия — лесные массивы и реки. Легче всего это можно сделать, пробираясь по водоразделам Северского Донца, Ворсклы, Оскола и Дона. На территории Белгородчины возвышенность образовывала своеобразное узкое горлышко, соединяющее две «воронки» — с юга в него втягивались татары, приходившие сюда по разным дорогам, а затем рассыпались веером отрядов, рыскавших в поисках добычи.

Столетиями шла борьба с Крымским ханством. Для обеспечения внезапности налетов на русские земли участок, где сходились татарские дороги — Донецко-Оскольская лесостепь — приобретал особое значение. Штурмовать крепости крымские татары, в отличие от своих предшественников XIII века, никогда не отваживались. Они стремились избегать и прямых столкновений с русскими военными отрядами. Русские же организовывали разведку, отправляя в степь караулы — «дальние сторожи». Большинство таких сторож располагалось с севера на юг, вдоль Северского Донца. Одна из сторож XVI столетия, расположенная у слияния Северского Донца и Оскола, называлась Святогорской по Святым горам, как тогда именовался Донецкий кряж, напоминая нам об одном из былинных героев — Святогоре.

Крымский татарин. Рис. Г. Боплана. XVII в.

Наблюдение за Полем начиналось ранней весной и продолжалось до глубокой осени. Сторожевой отряд из нескольких человек уходил в степь на два месяца с припасами, лошадьми и оружием. Прибыв на место, сторожа организовывали патрулирование степи, по следам определяли численность татар, «прошедших в Русь». Встретившись с крупным татарским отрядом, русские караульщики не бросались в сечу, а стремились под прикрытием леса в кратчайшие сроки передать сведения о надвигающейся опасности населению и воинскому командованию — ближайшему воеводе.

Татарское вторжение 1571 года, во время которого крымцы дошли до Москвы и сожгли столичные посады, способствовало серьезному реформированию системы охраны пограничья. В ходе реформы была установлена охраняемая государственная граница в современном ее понимании. Весной 1571 года, выполняя решение Боярской думы, на южную окраину государства отправился крупный отряд под командованием князя Михаила Тюфякина и дьяка Матвея Ржевского. Были осмотрены места расположения сторож, маршруты станичных разъездов. Была впервые маркирована граница — на деревьях вырезались «признаки» — изображения крестов, имена командиров отрядов и даты. Именно тогда было положено начало российской пограничной службе.

На Поле стали появляться постоянные

поселения под защитой строившихся здесь крепостей. Начало заселения Белгородчины связано с основанием городов Белгорода, Оскола и Валуйк. Процесс заселения южных территорий русскими был прерван Смутой. Почти два десятилетия на окраине разворачивались драматические события. Оседлое население подвергалось нападением отрядов грабителей — татар, украинских казаков-«черкас» и шаек пришлых людей. В результате были разорены десятки сел, пострадали и опорные пункты — города. В разное время были сожжены Белгород и Оскол, разрушен и самый южный форпост России — город, носивший имя Царев-Борисов, в честь Бориса Годунова. После пожаров жители Белгорода и Оскола очень быстро восстановили свои города, а располагавшийся в отдалении Царев-Борисов на долгие десятилетия остался лежать в развалинах. Артиллерия из этой крепости была вывезена в Белгород. Среди пушек была пищаль «Собака». Это было стенобитное орудие, стрелявшее ядрами весом в четыре гривенки (около 4 килограмм). Оно было отлито в 1575 году знаменитым русским мастером Андреем Чоховым и долгие годы верно служило белгородцам.

Колокол, спасавший своим звоном жизнь окрестных поселен, был предметом любви, заботы и гордости населения каждого пограничного города. Уважительное отношение к вестовым колоколам жители

Белгородчины сохраняли даже спустя столетия после того, как необходимость в них отпала. В уездной Корочке вплоть до 1917 года вестовой колокол висел в специальной ротонде, возле которой был поставлен караул. В годы гражданской войны колокол-ветеран бесследно исчез.

Самой южной точкой, из которой круглый год поступала информация о перемещении по степи татар и черкас, был Святогорский монастырь, расположенный в среднем течении Северского Донца, ниже слияния его с рекой Осколом. Неподалеку находился брод, через который реку пересекала Кальмиусская сакма. В монастыре постоянно дежурили несколько караульщиков.

Порубежье наложило неизгладимый отпечаток на жителей. Повседневный быт здесь серьезно отличался от жизни в Центральной России. Местную элиту составляли так называемые «дети боярские» — такое имя носил низший слой дворянства. Крепостных здесь почти не было, а дворянское звание означало прежде всего налагаемые на его обладателя воинские обязанности. С другой стороны, воины-ветераны

Вестовой колокол в г. Короча. Фото начала XX в.

Белгород. — Belgorod. № 18.
Город, старый монастырь и Императорская ул.

«На сторожевой границе Московского государства». Худ. С.В.Иванов. 1907 г.

План с изображением Святогорского монастыря. (Подлинник хранится в РГДА) 1676 г.

получали во владение больше земли, кое-кому давали и крепостных.

Привыкшие к жизни на пограничье в условиях постоянной опасности, выезжавшие на полевые работы не только с хозяйственным инвентарем, но и саблей и мушкетом крестьяне Белгородчины отнюдь не отличались покорностью судьбе.

Постоянная опасность со стороны близкой границы порождала события, поражавшие воображение современников, передавались из поколения в поколение, обрастая красочными подробностями, постепенно превращаясь в легенду. Старожилы города Корочи до сих пор помнят легенду о Ясном колодце. Во время нападения монголов один из русских воинов, юноша, умирал и просил пить. Девушка, ухаживавшая за ним, решила во что бы то ни стало достать воды. Свистели над ее головой татарские стрелы, но она осталась невредимой, принесла воды, омыла лицо воина и его раны. Раны вскоре зажили, и юноша поправился. Источник, из которого принесла воду девушка-героиня, назвали Святым, а позднее — Ясным Колодцем. И вода в нем слывет целебной...

Гора, на которой стояла крепость, в XVII веке называлась Красной. Поэтому долгое время крепость носила название «Красный город на Короче».

Со строительством новых крепостей Короча и Яблонов связана еще одна необычная история. Яблоновский воевода отправил 200 стрельцов в Оскол за хлебом. На обратном пути обоз был разграблен татарами, а стрельцы уведены в полон. Факт заурядный для жизни порубежья, необычным было продолжение. Один из плененных под Яблоновом стрельцов — Иван Лукьянов — как и многие другие русские пленники, был продан в рабство на галеры. Гребцы смогли освободиться от тяжелых оков и перебить охрану. Мятежный корабль сумел благополучно дойти от Константинополя до Венеции. Пораженные мужеством бывших рабов, власти предложили им остаться у них на службе, обещая щедрую плату. Но тоска по родине оказалась сильнее. Русские пленники через Рим, Венецию, Венгрию и Польшу в 1643 году вернулись в Россию.

А вот полулегендарная история, связанная с именем поселка Разумное, что вблизи Белгорода. Шел 1633 год. Отряды польских шляхтичей вторглись в пределы Белгородской оборонительной черты. Неподалеку от устья безымянной реки, в десяти верстах от Белгорода, в пойме, поляки расположились большим лагерем. Они готовились к решающей схватке. Смекалист был воевода Волынский. Он решил атаковать врагов неожиданно. С юга от яра, в котором расположились

Дуб в поселке Дубовое

поляки, высился большой, дремучий лес. Из этого леса Волынский и напал на ляхов. Конники ударили с востока и запада, а стрельцы пошли прямо. «Зело успешен был сей бой для русских полков Петра Волынского», — рассказывает летописец. А сам воевода изрек: «Зело разумна река сия, помогла нам ляхов одолеть, назовем же ее Разумной». По имени реки был со временем назван и поселок.

Здесь, очевидно, переплелись правда и вымысел. С одной стороны, уже в 1626 году река Разумная упоминается под этим именем в Книге Большому чертежу, а с другой, воевода Волынский — это реальное историческое лицо, только звали его не Петр, а Михаил. Был он белгородским воеводой в 1633–1634 годах, во время русско-польской войны за Смоленск. Именно в эти годы на белгородской земле развернулись ожесточенные сражения. Пылали русские городки, отчаянно сопротивляясь натиску «черкас», из которых в основном состояли отряды польской армии, действовавшие на этой территории. Летом 1633 года такой отряд из пяти тысяч человек, после того, как сжег Валуйки, появился под Белгородом. Но белгородцы оказались начеку и под командованием воеводы Волынского предприняли дерзкую вылазку, разгромив нападавших. Таким образом, легенда только поэтически приукрашивает подлинные факты.

Другая легенда объясняет уже название поселка Дубовое. Согласно преданию, дуб, давший имя селению, был посажен украинским гетманом Богданом Хмельницким — в ознаменование воссоединения Украины с Россией. Неизвестно, бывал ли на Белгородчине Богдан Хмельницкий, но есть достоверные сведения о службе в Белгороде сводного брата знаменитого гетмана.

Легенды всегда красивы и романтичны, но реальное прошлое Белгородского края настолько богато, что нисколько не уступит самой прекрасной легенде.